

Отчет о творческом отпуске

Алексей Куприянов*

18 октября 2017 г.

С середины февраля по середину июня 2017 г. я находился в творческом отпуске, работая в Helsinki collegium for advanced studies (HCAS), над проектом «University of Helsinki before 1917 vs. other Universities of the Russian Empire, a Digital Study in Historical Dynamics». Ниже предлагается содержательный отчет. Он состоит из двух частей. В первой я расскажу о работе, включая сбор данных по проекту, которым я занимался, презентации промежуточных результатов на конференциях и семинарах и о рукописях, работа над которыми шла, пока я был в отпуске (прилагаются в отдельных файлах). Вторая часть посвящена некоторым наблюдениям над особенностями академической жизни в Хельсинки.

В отношении исполнения планов творческого отпуска все с самого начала пошло не так, как планировалось. Началось с того, что меня отпустили в него на месяц позже, в результате чего срок сократился с пяти до четырех месяцев. Тем не менее, я полностью выполнил (и даже перевыполнил) намеченное в части сбора данных, отчасти — в отношении поиска необходимой для работы литературы. В плане подготовки публикаций все сложилось не так, как я предполагал, о чем я подробнее напишу ниже, но, в целом, я удовлетворен результатами работы и в этом отношении.

Работа

Сбор данных

В значительной мере смысл поездки состоял в том, чтобы собрать данные по карьерным траекториям профессорско-преподавательского состава Александровского университета в Гельсингфорсе. Несмотря на то, что Великое княжество Финляндское в 1809–1917 гг. входило в состав Российской империи, университет (да и вся жизнь в целом) был в значительной мере автономен от метрополии. Это сказалось и на доступности материалов по истории университета. За время работы по проекту мне удалось существенно пополнить набор *datasets* по университетам Российской империи. Во-первых, удалось собрать исчерпывающие данные по кадрам Александровского университета в Гельсингфорсе и его непосредственной предшественницы — Королевской академии в Обу (после большого пожара в Обу в 1827 г. переведена в Гельсингфорс, с чем и было отчасти связано изменение

* Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; alexei.kouprianov@gmail.com

названия), всего — более 1000 персон (кроме того, собранные дополнительные материалы позволят расширить базу за пределы 1917 г., что решит проблему деградации данных вблизи верхней временной границы базы, однако к их обработке я еще не приступал). Во-вторых, изучение литературы позволило идентифицировать ранее не задействованные опубликованные источники по истории малоизученных в России вообще (и совершенно не изученных в количественном отношении) Виленского университета (1803–1831) и Королевского университета в Варшаве (1817–1831), закрытых в связи с Польским восстанием 1830–31 гг. (вместе чуть более 200 персон). Это, в свою очередь, позволило частично сформировать связанные с ними сегменты базы данных (данные по Вильно удалось даже успеть задействовать в ряде сообщений, сделанных весной 2017 г., о чем пойдет речь ниже). В-третьих, путем переписки с иностранными коллегами, удалось получить наборы данных по кадровой динамике итальянских университетов второй половины XIX в. и университетов Австрии за часть XIX в., которые можно будет использовать в сравнительном анализе. Наконец, в-четвертых, удалось переработать опубликованные финскими коллегами данные университетских матрикулов Александровского университета в Гельсингфорсе и Королевской академии в Обу (несмотря на публикацию в Интернете, не была решена проблема целостности данных, и приведение массива в должный порядок потребовало значительного времени).

По части иностранной литературы российские библиотеки, даже с учетом электронной подписки, оставляют желать много лучшего. Это в особенности верно в отношении книг и некоторых не охваченных системой электронной подписки продолжающихся изданий. К наиболее важным приобретениям я могу отнести собранную мной по частям многотомную библиографию по истории университетов, публикуемую Oxford Univ. Press., ранние выпуски которой были недоступны в России, ряд недоступных в России изданий по истории университета Хельсинки и истории науки в Финляндии, а также некоторые классические работы по истории науки и науковедению. К сожалению, не все удалось успеть, но отсутствие хорошей публичной библиотеки с обширной коллекцией иностранных изданий, в любом случае не могло бы быть компенсировано кратковременными усилиями по копированию литературы.

Презентация промежуточных результатов проекта на семинарах и конференциях

По мере работы по проекту я докладывал об успехах на ряде семинаров и конференций, проходивших как в Хельсинки, так и в расположенных неподалеку Тарту и Петербурге. Ниже следует список докладов, с датами, местом проведения и названиями мероприятий. На всех этих мероприятиях, за исключением последнего, проведенного уже формально по окончании пребывания в Коллегиуме, но, практически, в пределах отпуска, я указывал двойную аффилиацию (HCAS и НИУ ВШЭ, СПб).

1. «Finding Whats, looking for So Whats: Few steps towards the quantitative history of the University of Helsinki» Helsinki Collegium for Advanced Studies (HCAS), *Brown Bag Seminar*, February 28, 2017.

2. «Developing de-script-ive tools for a digital History of the Åbo Academy / University of Helsingfors in the Imperial Period (1809-1917): some preliminary findings» University of Helsinki, *HELDIG [Helsinki group for Digital Humanities] Seminar*, March 31, 2017.
3. «Latin and Greek in the Universities of the 19th century Russian Empire: a Digital Overview», HCAS, Conference *Latin and the Republic of Letters, Diachronic Concepts of Education from Oral Tradition to Digital Humanities (LEDH)*, May 5, 2017.
4. «Degrees of freedom, degrees of isolation: an attempt at comparative analysis of the faculty dynamics at Doprat and Helsingfors Universities (1802—1917)», University of Tartu, *The 28th Baltic Conference on the History of Science*, May 18-20, 2017.
5. «Outlining a Digital Portrait of the Russian Imperial Universities: A work-in progress Report on Database Building and Scripting» University of Helsinki, Workshop: *Global Digital Humanities*, May 29, 2017.
6. «Новые возможности количественной истории университетов» Санкт-Петербургский государственный университет, *Семинар по истории университетов*, 15 июня 2017.

В каждом из докладов я старался не только подойти к имеющемуся материалу с новой стороны, но и вынести на обсуждение нечто новое в плане эмпирики (новые материалы) или анализа (новые подходы к визуализации и анализу собранных данных). Так, первый доклад 28 февраля обобщал первые итоги сбора и первичного анализа материала по Королевской Академии Обу и Александровскому университету в Гельсингфорсе. На этот момент база данных была введена только до конца XIX в. и в ней недоставало данных по началу XX в. Ко второму докладу (31 марта) мне удалось полностью ввести в базу данных не только данные о карьерных траекториях профессоров и преподавателей Королевской Академии Обу и Александровского университета в Гельсингфорсе, но и интегрировать их с базой данных по матрикулам этих учебных заведений, размещенной в Интернете на сайте университета. К 5 мая удалось пополнить имевшиеся в моем распоряжении базы данными по филологам-классикам Виленского университета и Новороссийского университета в Одессе, а также разработать новый скрипт для анализа академической мобильности, который позволил строить направленные графы перемещений и оценить временную динамику географической мобильности профессуры имперского периода (это привело к пониманию природы того, что можно назвать «парадоксом географической мобильности» — расхождение в оптимистичных и пессимистичных оценках объемов мобильности разными авторами, отличающихся в разы, нашло удовлетворительное объяснение, о чем я намерен через какое-то время написать отдельный текст). К конференции в Тарту (19 мая) удалось сформулировать гипотезы о причинах различий в кадровой динамике Александровского университета в Гельсингфорсе и Дерптского (Юрьевского) университета (там же удалось впервые представить данные о кадровой динамике Виленского университета). К 29 мая сложилась гипотеза о домённой структуре университетской системы Российской Империи и намечены пути к ее тестированию. Доклад, сделанный уже дома, 15 июня, знакомил петербургский

семинар по истории высшего образования с основными результатами работы и носил, скорее, обобщающий характер.

Публикации

Как это нередко бывает, помимо интенсивной работы по сбору данных и разработке скриптов для анализа, весной внезапно пробудились некоторые «спящие» публикации, пришли ответы рецензентов, и продолжилась работа над рукописями, начатым еще в 2016 г. Все они связаны с двумя основными темами моей работы в последнее время: (1) формальные подходы к анализу истории науки и высшего образования и (2) история рационального земледелия в России и СССР. Ниже привожу список рукописей, над которыми шла работа в течение творческого отпуска (все они прилагаются к отчету в отдельных файлах, номера которых соответствуют номерам в списке) с указанием их текущего статуса.

1. Куприянов А. В. «От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: „средние данные“ и формальные подходы в истории науки» (1.48 а. л.); работа над этой рукописью сильно затянулась; первоначально предполагалось, что она будет опубликована в 2016 г., однако разные причины (среди которых ведущую роль играло затруднительное положение Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе) надолго отложили компоновку и выпуск номера; весной однако все оживилось: необходимо было срочно переработать и сократить текст, а затем — тщательно выверить корректуру, что было важно, поскольку статья содержит значительное количество иллюстраций, формулы и фрагменты программного кода и было необходимо не только отследить возможные опечатки, но и выверить текст в отношении верстки и типографики; на настоящий момент рукопись опубликована (*Топос*. 2017, (1-2), 111–137).
2. Куприянов А. В. «Грезы администратора-философа, проясненные грезами исторической наукометрии: ответ Виталию Куренному» (0.93 а. л.); после дружеского *peer-review*, любезно проведенного несколькими коллегами, я склонен к дальнейшей доработке рукописи, в частности, обсуждение необходимо переписать с учетом идей, возникших в ходе рецензирования, снизив полемический накал и поместив в этом разделе более уместный обзор литературы по изучению факторов, влияющих на исследовательскую продуктивность преподавателей университетов. По завершении переработки я надеюсь опубликовать этот текст в журнале «Социология науки и технологий» или в любом другом, который не побоится столь острой темы, как соотношение преподавательской нагрузки и публикационной активности И. Канта.
3. Куприянов А. В. «Рец. на кн.: Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's women in science, 1800–1900: a survey of their contributions to research / Mary R. S. Creese; with contributions by Thomas M. Creese. Lanham; Boulder; New York: Rowman & Littlefield, 2015. xiii, 174 p.» (0.86 а. л.); по сути, значение этой работы несколько выходит за рамки рецензии (о чем можно судить уже по ее значительному объему), поскольку для содержательной критики потребовались дополнительные

эмпирические исследования; на настоящий момент рукопись принята редакцией журнала «Антропологический форум», ориентировочное время публикации — первый или второй выпуск 2018 г.

4. Федотова А. А., Куприянов А. В. «„Результат химической борьбы блестящий, посевы защищаются, настроение бодрое“: Борис Уваров и борьба с саранчой на Ставрополье в 1911–1914 гг.» (1.1 а. л.); во время отпуска шла работа над текстом, основанном на докладе «Boris Uvarov, insecticides, and locust control in the arid regions of the Russian Empire (1910s)», прозвучавшем на конференции «Technology, natural resources, and crises in the past and present of Europe and beyond» (НИУ ВШЭ, СПб, 21–22 октября 2016); на настоящий момент рукопись прошла рецензирование и принята в журнал «Природа», ориентировочное время публикации — первый выпуск 2018 г.
5. Demin M. R., Kouprianov A. V. «Studying Kanonbildung: an exercise in a distant reading of contemporary self-descriptions of the 19th century German philosophy» (0.94 а. л.); за время отпуска мы получили ответы рецензентов и отказ в публикации из «Science, Technology, & Human Values» с советом опубликовать в журнале более подходящего профиля. После переработки рукопись была подана в журнал «Social Epistemology», где прошла первый этап рецензирования, переработана по результатам замечаний рецензентов и направлена на второй этап. Вопрос о сроках публикации менее прозрачен, однако можно надеяться, что она увидит свет в 2018 г.
6. Zhmud L., Kouprianov A. V. «A sociological approach to ancient science: problems and perspectives» (2.36 а. л.); работа над этой статьей идет с перерывами вот уже около двух лет. По моей вине все шло довольно негладко, однако на настоящий момент рассматривается вопрос о публикации рукописи в журнале «Isis», о чем основной соавтор ведет переписку с редакцией (как раз на этой неделе я, надеюсь, в последний раз, занимался сверкой базы данных и подготовкой итоговой версии некоторых иллюстраций). На весну пришлось внутренняя полемика по вопросам исторической демографии и моделям роста науки и подготовка некоторых пояснительных эссе по поводу полученных нами результатов.

Кроме того, по просьбе интернет-портала «Индикатор» в последние дни отпуска я подготовил реплику в дискуссии о вводившихся в тот момент «ваковских» ученых степенях богословия («Реплика в дискуссии по вопросам, связанным с введением специальности 26.00.01 (теология): ч. 1: вопросы организации науки», 0.59 а. л.). Текст пришлось писать быстро, реагируя на события, разворачивавшиеся в реальном времени; в сокращенном виде он опубликован на портале,¹ полная версия приложена к отчету в виде приложения No. 7.

Работа над рукописью совместной с Т. В. Костиной статьи под рабочим названием «Turning from a peripheral European into a provincial Russian

1. <https://indicator.ru/article/2017/06/19/dissertaciay-po-teologii-mneniya/>

university: Mobility patterns of the faculty at Dorpat and their temporal dynamics», намеченной в плане, по разным причинам откладывалась. Наибольшие проблемы на настоящий момент связаны с необходимостью переработки аналитической части. Общая идея статьи — переопределить довольно драматические процессы «руссификации» университета в конце XIX в. в терминах изменения конфигурации сетей академической мобильности — остается в силе. Из анализа литературы однако стало ясно, что при работе с составленными нами таблицами мобильности (в докладе, на основе которого пишется эта статья, мы ограничились экспресс-анализом частотных отклонений методом χ^2) необходимо применение недостаточно знакомых пока мне видов регрессионного анализа, над освоением которых я продолжаю работать. Имеющийся фрагмент рукописи объемом 0.7 а. л. имеет незавершенный характер и вряд ли заслуживает рассмотрения в отчете. Данные и иллюстративный материал в целом подготовлены. Последний обнародован впервые в рамках доклада на конференции «Baltische Bildungsgeschichte(n): Interdisziplinäre Tagung / Baltic Educational Histories: Interdisciplinary Conference» (Тарту, 19-22 сентября 2016) и частично использовался мной в сравнительных целях в других докладах.

Предполагавшаяся статья с обзором результатов проекта по Гельсингфорскому университету пока находится в стадии обдумывания плана, поскольку, как понятно, тривиальный отчет о том, что собраны данные по карьерным траекториям, нарисованы графики и появилось несколько идей по интерпретации, мало кого интересует в плане публикации. Вместе с тем, выступления на семинарах весной 2017 г. позволили наметить наиболее перспективные направления анализа. В частности, одним из стержневых идейных элементов работы по Александровскому университету может стать анализ причин необычайной замкнутости его профессорской корпорации. В то время как показатель академического инбридинга в целом по университетам Российской империи не превышал 60-70%, в Александровском университете он почти на протяжении всего имперского периода находился на уровне выше 80-90% (а тенденции к изоляции наметились еще во второй половине XVIII в.). В этом плане интересно рассмотреть этот случай в контексте общеевропейских тенденций в изменении паттернов географической мобильности в академическом мире и сравнить с другими университетами Российской империи, находившимися за пределами метрополии — Виленским, Дерптским и Варшавскими (первым — 1817–1831 гг. и вторым, открытым в 1865 г.). Материалы по ним уже частично собраны, о чем я писал выше.

Наблюдения за академической жизнью в Хельсинки

Позволю себе разместить здесь нечто, вроде вольного повествования о жизни в Хельсинки. Всякое столкновение с иной культурой порождает даже в людях, далеких от науки, подобие антропологической рефлексии. Контраст с наблюдаемым обществом нередко наводит на мысль о сравнениях с обществом, в котором мы живем большую часть времени. Иногда это, в свою очередь, наводит на размышления о возможности заимствования некото-

рых полезных практик. Можно списать многое на мой угрюмый нрав и маргинальное положение в Высшей школе экономики, однако с некоторыми наблюдениями придется согласиться, а интерпретации принять к сведению даже тем, у кого видение местной ситуации более лучезарно.

По прибытии в Хельсинки мне предоставили под съем жилье (квартиростудию) в одном из домов, принадлежащих университету (строго говоря, это не дом, а один подъезд в жилом доме), который находился приблизительно в семи минутах ходьбы от Коллегиума, офис в Коллегиуме, служебный мобильный телефон, электронную идентификационную карту, билет библиотеки и ключ-брелок, открывавший электронные замки на дверях помещений, в которые, согласно моему статусу, я имел доступ (мой офис, общие помещения Коллегиума, часть входных дверей в университетском корпусе и ворота во двор университета). Все эти формальности заняли около недели (особенно чувствительно было поначалу отсутствие библиотечного билета, однако многие книги, срочно необходимые мне для работы, находились в открытом доступе, поэтому я не испытывал больших затруднений — их просто нельзя было выносить за пределы библиотеки, но сами по себе они были открыты для просмотра).

Коллегиум — относительно независимое исследовательское подразделение в составе университета, в котором, помимо администраторов, работают на временных позициях научные сотрудники различных категорий. Основу составляют *core fellows* на трехгодичных стипендиях. Кроме того, имеется еще ряд позиций, от года до четырех — пяти месяцев. Помимо исследовательских стипендий (философия, история, антропология, социология, филология и прочие социальные и гуманитарные науки) предоставляются стипендии в области *arts*, включая стипендии для живописцев, художников-акционистов и писателей (перечисляю лишь тех, кого видел собственными глазами).

Помимо индивидуальных офисов для *fellows*, на каждом этаже имеется комната с многофункциональным копіром / принтером и канцелярскими принадлежностями. В здании есть пара аудиторий, где проходят организуемые *fellows* Коллегиума семинары и конференции, комната для сна (*nap room*), где действительно можно спать в рабочее время, и *common room* с небольшой кухней, холодильником и кофеваркой (чай и кофе предоставляются *fellows* безвозмездно). Одну половину *common room* занимает зал для заседаний и приемов, напоминающий по композиции кафе, во второй за перегородкой расположены *cubicles* для студентов-интернов. Каждый такой *cubicle* имеет площадь порядка девяти квадратных метров, не менее. Во всяком случае, в одном из них я проводил мастер-класс по работе в среде анализа данных и статистического программирования R для трех интернов, и нам не было тесно.

Каждую неделю по вторникам в Коллегиуме проходит т.н. *Brown bag seminar*, на котором научные сотрудники Коллегиума делают доклады о проделанной работе. Иногда они имеют характер *work-in-progress reports*, иногда устраивается читка глав монографий или научных статей, иногда, когда выступают сотрудники по программе *Art fellows*, выступления превращаются в настоящие перформансы (до сих пор под весьма живым впечатлением от выступления одного философа, который, среди прочего, проигрывал запись своего собственного сочинения, аккомпанируя ей на терменвоксе, антенной которому служило растение, которое он уничтожал по ходу

выступления, отрывая от него листья и, наконец, и само соцветие). Дважды в рамках *Brown bag seminar* проходили дискуссии по сериям кратких десятиминутных выступлений. В одном из них, посвященных проблемам университетов в авторитарных режимах, выступал и я с рассказом о ситуации вокруг Европейского университета в Петербурге. Помимо этого, по четвергам во время ланча в *Common room* проходили общие чаепития для неформального общения (еду для них по очереди приносили *fellows* Коллегиума), а время от времени — формальные и неформальные приемы (по случаю конференций, некоторых праздников и прибытия / отбытия больших групп *fellows*).

Поскольку более половины обитателей Коллегиума — иностранцы, временами проводились экскурсии для ознакомления с местными примечательными местами. В мой срок такие совместные походы были организованы в Музей естественной истории (включая крайне интересную для меня как историка науки исследовательскую часть, с показом фондовых коллекций и лабораторий), крепость Суоменлинна, где экскурсию вела женщина-архитектор, работающая над восстановлением комплекса зданий на острове, и историко-культурную область близ оз. Туусула, где расположены мемориальные загородные дома художника Пекко Халонена, композитора Яна Сибелиуса и хижины, которую снимал один из основоположников финской литературы, Алексис Киви.

В Коллегиуме нет вахтеров (да и во всем университете их можно найти с трудом, примерно по одному человеку на комплекс зданий), все двери в университете открываются свободно или электронным ключом, многие (но не все из них) — круглосуточно. Это позволяет работать там когда угодно. В некоторые дни я засиживался в офисе глубоко за полночь или мог, по необходимости, зайти рано утром. В те немногие выходные дни (включая некоторые финские национальные праздники), которые я провел в Хельсинки, доступ в Коллегиум был также открыт для сотрудников. Все это напоминало счастливые студенческие времена, когда мы с полной отдачей, до глубокой ночи, работали в стенах Ленинградского, а впоследствии, Петербургского государственного университета. Увы, это также резко контрастирует с бытом НИУ ВШЭ, как и некоторые другие особенности.

В Коллегиуме я вновь поверил в то, что можно работать на своем рабочем месте. В последний раз как у научного работника у меня было свое персональное рабочее место со столом и книжными шкафами, когда я был студентом кафедры энтомологии на биофаке ЛГУ/СПбГУ (если не считать краткого периода в Европейском университете, когда один из столов был в моем распоряжении). Во ВШЭ мое рабочее место преподавателя было долгое время ограничено ящиком в столе (рядом с ящиками еще троих таких же счастливицев), однако с переездом соцфака в корпус на ул. Седова были ликвидированы и эти жалкие подобия личных пространств. Во ВШЭ эта дикость еще и подкреплена болезненными идеологическими конструктами. Я сам слышал от В. Радаева легенду о специально проведенном когда-то Центром внутреннего мониторинга опросе среди преподавателей на тему о том, будут ли они работать в своих кабинетах, коли эти кабинеты им предоставить. Преподаватели, по его словам, дружно ответили «нет». Ответственно заявляю — будут. Не знаю, кто как, но многие мне знакомые люди — будут (есть, конечно, сомнения в том, что они побегут в корпус на Седова, удаленный от всех благ цивилизации, начиная от метро и заканчи-

вая библиотеками, но в остальных корпусах у кабинетов есть шансы). Это удобно, работать в кабинете, а не дома, не в кафе и не в читальном зале Публичной библиотеки (хотя в последнем и есть свои преимущества перед кафе и домом, я там даже иногда встречаю коллег и студентов, иных — чаще, чем в самой ВШЭ).

В Коллегиуме я видел краем глаза, как работает местное самоуправление. Несколько раз мне приходилось быть свидетелем заседаний, аналогичных нашим заседаниям департаментов. Среди прочего, потрясло обсуждение вопроса о педагогической нагрузке. *Core fellows*, начиная со второго года пребывания в Коллегиуме, должны преподавать в Университете Хельсинки (преподавание возможно в форме спецкурсов или участия в работе Зимних школ, организуемых Коллегиумом). Первое, что впечатлило — это то, что никто не высчитывал нагрузку с точностью до часа. Всех интересовало приблизительное (в пределах разумных отклонений) соответствие требованиям. Второе — при этой приблизительности, существуют незыблемые вещи, например, соотношение часов на аудиторные занятия и на подготовку к ним (1:4). В таких условиях невозможно установить аудиторную нагрузку в десятки часов в неделю, которая довольно обычна в пиковые периоды для наших преподавателей. Вынужден отметить попутно, что даже коллеги из бедных, по нашим представлениям, Польши и Эстонии, с которыми я работал в Коллегиуме, широко открывают глаза от удивления, когда узнают об объемах вычитываемых нами в аудиториях «часов». Коллеги из более «богатых» стран просто смеются и спрашивают, не о *grammar* ли *school* идет речь. Как человек, не понаслышке знакомый с вопросом о нагрузках в исторической перспективе (один из сегментов собираемых мной баз данных по количественной истории университетов — массив расписаний и объявлений о лекциях разных университетов Российской империи за десятки лет), могу сказать, что объемы публичного преподавания у университетских преподавателей ограничены, если брать период с начала XIX века, 4–8 аудиторными часами (!) в неделю, а порой и менее (кроме некоторых особых случаев, вроде медицинских факультетов). Наконец, размеры аудиторных групп в Хельсинки тоже никто с таким ненужным остервенением не регулирует. Можно читать курс весьма малому числу студентов, их вовсе не должно быть непременно тридцать.

Возможно, еще более занятным в отношении участия в самоуправлении был опыт общественной кампании «снизу». В Университете Хельсинки идут сокращения и реорганизации. В отличие от ВШЭ, оптимизация затрагивает не столько преподавателей, сколько административных сотрудников низового звена. В частности, это выражается в том, что сотрудники, ранее постоянно работавшие техническими администраторами Коллегиума (в отличие от директора и двух его заместителей, по сути, мало отличающихся от *core fellows*), теперь вынуждены совмещать эти обязанности с администрированием в других подразделениях университета (включая, например, даже библиотеку). Среди прочего, пронесся слух о том, что их еще и лишат офисного помещения и переселят в *cubicles* в *common room*, как студентов-интернов. В среде *fellows* моментально была организована петиция к руководству, с обоснованием недопустимости этого шага. Не прошло и двух дней, как администрация отказалась от этих планов, по крайней мере, на время. Это было непривычно для человека, годами наблюдавшего, как администрация ВШЭ работает с преподавателями в стиле оккупаци-

онных властей, общающихся с неразумными туземцами, и, не скрою, мое удивление было приятным.

В Коллегиуме я, наконец, понял, и то, зачем нужна корпоративная электронная почта. Не для того, чтобы в ящик непрерывным потоком сыпались новости о том, что очередной начальник ушел в отпуск или направился в командировку, и не для оповещения о многочисленных событиях научной жизни в Москве, к которым мы, провинциалы, обычно не имеем никакого отношения. Там на нее приходят немногие важные уведомления, например, о еженедельных заседаниях внутреннего научного семинара Коллегиума (о нем см. выше). Кроме того, в отличие от НИУ ВШЭ, где *теоретически* организована аналогичная услуга, в Коллегиуме на почту *в действительности* можно отправить отсканированный документ (чем я постоянно пользовался, копируя недоступные иначе литературные источники для дальнейшей работы в России), причем это не требует вообще никаких усилий, кроме нажатия соответствующей кнопки. Интерфейс интуитивно-понятен без дополнительных инструкций, а привязка к профилю с электронной почтой производится автоматически при авторизации картой.

Наконец, возможно, одним из самых отрезвляющих оказался опыт работы с некоторыми опубликованными материалами по истории университета Хельсинки. В частности, для уточнения некоторых важных дат карьерных траекторий, касавшихся послереволюционного периода, мне пришлось обратиться к изданному в университете справочнику, в котором отражены, по подразделениям, все преподаватели с указанием должностей, которые они занимали и периодов деятельности в этих должностях, вплоть до конца XX века. Там нет никакой другой информации, только имена и цифры. Справочник не лишен ошибок и опечаток (и не может один служить надежной основой для составления базы данных), кроме того, как я уже отметил, он крайне беден в информационном плане. Но в нем упомянуты все преподаватели университета, включая находившихся вне штата «доцентов» (аналог приват-доцентов университетов метрополии), и представители некоторых категорий не-преподающих сотрудников, например, библиотекари университетской библиотеки или садовники. Во ВШЭ память о бывших преподавателях стирается моментально. Один человек мог создать исследовательский центр, другой — преподавать долгие годы. Через короткое время после увольнения их личные страницы, за незаполнение которых им когда-то грозили применением каких-то драконовских мер, будут удалены с сайта, сделанное ими — присвоено уцелевшими или разрушено, и никаких следов уже нельзя будет сыскать. Впрочем, для рейдерских захватов и разрушений преподавателей даже не надобно непременно увольнять (у нас полностью отсутствует уважение к продуктам интеллектуальной деятельности и определенным правам собственности на них). Юбилейные издания поведают нам легенды об «учителях» и отцах-основателях, мусор, подобный мне и десяткам, если не сотням, моих коллег, не проберется в анналы истории. Я не то чтобы сильно опечален этим обстоятельством (как потомок крестьян, род которых теряется в четырех поколениях от меня, я страдаю весьма умеренными формами мании величия, а как исследователь — анализирую кадровую динамику университетов XIX, а не XXI в.), но оно накладывает определенный отпечаток на ощущения от жизни во ВШЭ. Опыт крупного национального университета с почти четырехсотлетней историей показывает, что вообще-то можно было и по-другому.

В целом, главное, чем была полезна работа в Коллегиуме, помимо непосредственных научных результатов, это тем, что она помогла напомнить о человеческом достоинстве. Именно за это я более всего благодарен фонду Копе, любезно предоставившему мне стипендию. Я сердечно благодарен и НИУ ВШЭ за то, что оплачиваемый творческий отпуск позволил как-то сводить концы с концами моим жене и сыну, которые не могли приехать в Хельсинки без отрыва от их работы и школы на краткий срок моего пребывания в Коллегиуме.

Поймите, я не жду, что наша жизнь по мановению волшебной палочки приблизится к тепличным условиям работы в одном из наиболее привилегированных исследовательских подразделений старинного университета Хельсинки. Однако было бы не вредно хотя бы ненадолго задуматься о том, что ее можно было бы сделать немного более сносной. Это могут быть мелочи, вроде оздоровления корпоративной электронной переписки (простите, я больше не могу без боли смотреть в корпоративный почтовый ящик, и пока предпочел жизнь без боли). Это могут быть более принципиальные вещи: четкое регулирование нагрузки и снижение доли контактных часов, отказ от бессмысленной «оптимизации» (к слову, распространяемой не на все учебные программы ВШЭ), сгоняющей по три десятка студентов в одну аудиторию, отказ от введенных в угоду непонятно кому бессмысленных разделов в программах учебных курсов (собственно, всех, кроме собственно основного содержания предмета, списка литературы и краткого пояснения по системе выставления оценок), временный мораторий на изменение учебных планов (они меняются *каждый* год довольно непредсказуемым образом, на что коллеги неоднократно жаловались мне, да и мне самому ежегодное препровождение предоставляемых программ в мусорную корзину и необходимость постоянной подготовки к новым курсам порядком надоели — поверьте, открытость новому — это одно, а хаос, порожденный ничем не сдерживаемым административным произволом — это совсем другое), наконец, вовлечение преподавателей в реальное самоуправление. Отмечу, что не все эти вещи требуют больших дополнительных финансовых вложений. Главное, чего они требуют — изменения отношения к людям. Это мало зависит от одного лишь Ученого Совета, которому адресован этот отчет, но, я надеюсь, эти заметки затронут что-то и в умах избранных в него представителей профессорско-преподавательского состава.

 / A.B. Kynfranz

Согласовано —
Вик / В. В. Баранов /